

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственные редакторы
А. М. Грачева и А. д'Амелия

Санкт-Петербург – Салерно 2003

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI SALERNO
DIPARTIMENTO DI STUDI LINGUISTICI E LETTERARI

ALEKSEJ REMIZOV
STUDI E MATERIALI INEDITI

a cura di
A. M. Gračeva e A. d'Amelia

Pietroburgo – Salerno 2003

COLLANA DI EUROPA ORIENTALIS

A CURA DI
MARIO CAPALDO E ANTONELLA D'AMELIA

Questo volume è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

Copyright © 2003 by Europa Orientalis - Puskinskij Dom
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari – Università di Salerno
Finito di stampare presso Poligrafica Ruggiero, Avellino (marzo 2003)

ИМПЕРИЯ ТЕКСТОВ: “РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ”
И РОССИЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Эдуард Мануэльян

“Россия в письменах” – загадочное выражение ретроспективизма Серебряного века. Сама книга – монтаж разнообразных бытовых текстов. Изданная в 1922 г., книга имеет длинную предысторию: уже в 1914 г. Ремизов стал издавать серию документальных публикаций, которая включала, среди прочего, письмовник, календарь, грамоты, надписи всякого рода, и переписку прежде всего рядовых людей. Эти материалы относятся к разным эпохам; они охватывают период с семнадцатого до первой половины девятнадцатого века. В каждой главе Ремизов сопровождает приводимый текст не научным комментарием, а сугубо личными размышлениями о его значении. Ольга Раевская-Хьюз отмечает, что это – “попытка творческим актом воссоздать прошлое. Автор воскрешает творческим воображением жизнь людей, о которых известно очень немногое”.¹ В этом отношении ремизовские письмена напоминают культ предков, описанный Н. Ф. Федоровым во второй части “Философии общего дела”. Федоров указывает на неадекватность памятников культуры в современном обществе: “для кладбищ, как и для музеев, недостаточно быть только хранилищем, местом хранения; и от того, что кладбища обратились в места лишь хранения, на них, на этих святых местах, и царствует мерзость запустения... археологи тоже, кажется, равнодушны к судьбе кладбищенских памятников, ибо археология, как и всякая наука, бездушна...”.² Работа Ремизова является своего рода творческой археологией, в процессе которой он восстанавливает утраченные тексты бытовой письменности прошедших времен.

¹ Ремизов А. М. Россия в письменах. Вступ. статья Ольги Раевской-Хьюз. Нью-Йорк 1982, с. 1.

² Федоров Н. Ф. Собрание сочинений. В 4 т. М. 1995. Т. 1, с. 73.

В основе “России в письменах” лежит принцип метонимии. Каждый цитируемый здесь текст – представитель какого-либо жанра, и проникновение в жанровую специфику даже самой прозаической письменности позволяет ему строить гипотезы об авторстве и распространении данного текста, рассказывать всевозможные анекдоты связанные с ним. Поэтому ремизовские письма метонимичны еще в одном смысле: каждое из них представляет историческое измерение своего жанра, и присущее ему различение.

Наглядный пример этого своеобразного историзма – глава “Странник” (с подзаголовком “пророчественное”). Она делится на три части. В первой, Ремизов вспоминает встречи с загадочным стариком, торговцем иконами и старинными рукописями из Сольвычегодска, временно жившем в Петербурге. При последней встрече старик вынимает из кармана пожелтевшую бумагу, и показывает ее своему собеседнику. Это – “пророчественное” письмо упомянутое в подзаголовке, датированное 20-ым августа 1814 г. и адресованное князю Голицыну, президенту Библейского Общества в России, от шотландской баронессы. Во второй части главы Ремизов приводит это письмо полностью, без какого-либо комментария. Сам текст уже снабжен следующим примечанием: “пѣреводъ съ анѣглицкаго”.³ (Здесь характерно неправильное, или скорее всего гипер-педантичное, употребление двух букв, *ять* и *ер*, проявляющееся на всем протяжении письма.) Наконец, в последней части, старик, прощаясь с писателем, советует ему прочитать место в Третьей книге Ездры об апокалиптических приметах. Ремизов цитирует библейский текст (стихи 1-11 из пятой главы), опять без комментария. Язык этих стихов сильно отличается от языка предыдущего текста. В отличие от письма баронессы, которое было насыщено библейскими цитатами, переведенными на церковнославянский язык, этот отрывок из Ездры цитируется на современном русском языке, согласно первому полному русскому переводу Библии, изданному Синодом в 1867 г., то есть ровно через полвека после окончательного закрытия Российского Библейского Общества.

Из вышеизложенного уже ясно, насколько многозначен тот исторический момент, затронутый “Странником”. Следует отметить, что за двенадцать лет активного существования Библейскому Обществу не удалось закончить перевод Священного Писания на русский язык,⁴ хотя Алек-

³ Ремизов А. М. Россия в письменах, с. 124.

⁴ Пыпин А. Н. Российское Библейское Общество // Религиозные движения при Александре I. Пг. 1916, с. 39-41, 76, 113-115. Статья впервые была опубликована в журнале «Вестник Европы» в 1868 г.

сандр I лично принял решение об этом. Появился и многократно издавался русский перевод Нового Завета. Перевод Ветхого Завета остался незавершенным к моменту закрытия Общества; кроме Псалтыри ничего не вышло. Уже переведенные и отпечатанные первые восемь книг Библии не вышли в продажу, а отдельные издания Пятикнижия Моисеева были сожжены в начале 1825 г.⁵

В процессе работы над этим переводом Библейское Общество столкнулось с сильным сопротивлением. Это объясняется отчасти тем, что само Общество было создано по образцу Британского и Иностранного Общества. Неуместность такой пересадки в русское общество того времени – одна из главных тем исследования А. Н. Пыпина: “в среде русской жизни, совершающейся на чисто патриархальных началах, вводится учреждения, выросшее в стране с высоким политическим развитием и общественной свободой. Из одного этого нам понятно теперь, что учреждение это не могло существовать в русской жизни так, как существовало в английской, что оно или должно было отклониться от своей цели и смысла на другие дороги, или не могло удержаться вовсе”.⁶ Александр Эткинд в свою очередь подчеркивает другие препятствия: “Враги Библейского Общества обвиняли его в умножении раскола. Действительно, новый перевод Библии поддерживался старообрядцами, которые, как сообщали из епархий, раскупали значительную часть тиража. В конце концов даже скопчество стали объявлять последствием доступности Писания”.⁷ Далее Эткинд описывает увлечение некоторых членов руководства Обществом, в том числе и князя Голицына, сектантским мистицизмом.⁸ Очевидно, что судьба и характер Общества – фон, на котором Ремизов сопоставляет “пророчесственные” тексты.

Письмо Баронессы в духе восторженного приема, который был оказан Александру депутацией Британского и Иностранного Библейского Общества 20 июня 1814 г. в Лондоне. Во время этого приема секретарь Британского Общества назвал Императора “орудием Десницы Божией к освобождению удрученного человечества”.⁹ В письме Баронессы трак-

⁵ Астафьев А. Н. Опыт истории Библии в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 12, с. 208-209.

⁶ Пыпин А. Н. Российское Библейское Общество, с. 116.

⁷ Эткинд Александр. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М. 1996, с. 152.

⁸ Там же, с. 152-157.

⁹ Пыпин А. Н. Российское Библейское Общество, с. 44.

туются апокалиптические знаки конца Наполеоновских времен и рассматривается Библейское Общество как один из подобных знаков. Она сравнивает Александра – основателя русского Общества, с Соломоном, создателем Храма Ерусалимского. С присущим евангелическому пиетизму начетничеством баронесса интерпретирует пророческое значение постановления Александра:

Вашъ *Императоръ*... еще вѣщующую приобрелъ к своему имени любовь, поместя оное между написавшимися для толь божественнаго завѣдѣнія, – въ семь видимъ мы исполненіе другой части древняго пророчества: “и пойдуть царіе светомъ Твоимъ, и языцы светлостію Твоею” – “и царіе ихъ предстояти будутъ Тебѣ...” (Исаія 60, 3 и 10-й).¹⁰

Язык письма показателен как отражение известного социо-культурного феномена. Дискурс какого-либо учреждения или направления, постепенно развиваясь, приспособляется к выражению его идеологических потребностей. Анонимный переводчик баронессы повторяет тяжелую славяно-русскую риторику, характерную как для отчетов Общества, так и для письменности связанной с ним. Именно за это Пыпин осуждает членов Общества: “Корреспонденты Общества спешили заговорить тем церковно-книжным языком, каким заговорило само Общество, и сразу попали в риторику, чтение которой мало возбуждает сочувствия. Примеров, к сожалению, представляют слишком много самые отчеты Общества... Многочисленные корреспонденции, напечатанные комитетом в прибавлениях к его отчетам, переполнены благочестивой риторикой”.¹¹ Отсюда очевидно, что влияние архаистов первой четверти XIX века, как утверждает Тьянянов, “распространялось далеко за пределы шишковского кружка”.¹² Особенно если учесть, что Шишков был одним из главных врагов Голицына и его проектов. Тем не менее, польза архаизации многосторонняя, и как Тьянянов дальше отмечает, она “была вовсе не необходимо связана с реакцией александровского времени”.¹³

В данном случае архаичный стиль скорее всего связан с апокалиптическим настроением Библейского Общества. Мы находим, например, в прибавлении к отчету за 1820 г., следующие замечания архимандрита

¹⁰ Ремизов А. М. Россия в письменах, с. 127.

¹¹ Пыпин А. Н. Российское Библейское Общество, с. 118.

¹² Тьянянов Юрий. Архаисты и новаторы. Л. 1929, с. 104. Подробнее об этом см.: Todd William Mills. Fiction and Society in the Age of Pushkin. Cambridge (Ma) 1986, pp. 29-30.

¹³ Тьянянов Юрий. Архаисты и новаторы, с. 105.

Феофана при открытии студенческого библейского сотоварищества при Казанском университете: “дух злобы поднебесной, не имея дерзости восставать видимо противу Слова Божия... продолжает, впрочем, тайно, но тем не менее опасно, распространять свои пагубные мудрования. Есть и теперь люди, кои, по внушению его, не уверены еще в пользе и необходимости введения сего света в место сие... Но это последние усилия врага”.¹⁴ В этом отрывке церковно-книжная риторика придает пророческий оттенок нападкам на оппонентов радикальной ревизии университета, предпринятой Магницким, тогда крайним приверженцем библейского дела. Такая же апокалиптическая тематика присутствует в замечаниях костромского епископа Сергия, открывая местное отделение Общества 14-го марта 1817 г. Показательно, как епископ, описывая значение Священного Писания, использует эсхатологическую образность начала и конца:

Оно божественно по своему началу, ибо происходит от Бога; свято по содержанию, ибо содержит святейшие таинства веры... спасительно по концу, ибо ведет прямыми стезями к вечной блаженной жизни. Оно есть тот небесный источник воды жизни, “от него же пияй не вжаждется во вѣки”.¹⁵

Обращает на себя внимание фраза о “святейших таинствах веры”: как известно, греческое слово “апокалипсис” обозначает “откровение”. Вышеупомянутые цитаты – лишь примеры постоянно повторяющихся общих мест в текстах Общества, где авторы прямо или косвенно обращаются к библейскому пророчеству об апокалипсисе.

Нужно иметь в виду, что Общество предполагало коренное изменение в религиозном сознании, переводя Священное Писание на современный русский язык и пропагандируя необходимость такого перевода по образцу британского общества.¹⁶ Поэтому проповеднический дискурс Общества инстинктивно обращался к славянизированной риторике, как бы компенсируя архаичным стилем новизну и простоту самого перевода. И. А. Чистович приводит правила, составленные комиссией духовных

¹⁴ Пыпин А. Н. *Российское Библейское Общество*, с. 125-126.

¹⁵ Астафьев А. Н. *Опыт истории Библии в России*, с. 299.

¹⁶ См.: Zemka Sue. *The Holy Books of Empire: Translations of the British and Foreign Bible Society // Macropolitics of Nineteenth-Century Literature: Nationalism, Exoticism, Imperialism*. Edited by Jonathan Arac and Harriet Ritvo. Philadelphia 1991, pp. 102-137. Подробнее об истории Британского и Иностранного Библейского Общества см.: Howsam Leslie. *Cheap Bibles: Nineteenth-Century Publishing and the British and Foreign Bible Society*. Cambridge 1990.

училищ в 1816 г., для перевода Нового Завета на русский язык; одно из них утверждает, что “величие священного писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует что не должно слишком привязываться к славенским словам и выражениям, ради мнимой их важности”.¹⁷ Но возникновение Общества и радикальность его проектов объяснялось в литературе Общества иератическим языком пророчества, как бы подыскивая в архаизации напоминания о первоизданных источниках самой Библии. Общество так посредством архаизации пыталось вписываться в знаки апокалипсиса.

В переводе письма шотландской баронессы архаичный стиль подчеркивает эсхатологическое значение деятельности Общества по распространению Священного Писания: “Ныне покарятся все, каждый принести свои златницы и лѣнты на разрушение сатанинскова господствования и на приближение и устроение царства *Спаситѣлева* на развалинахъ онаго, для сего *слово* Господнѣ, сопровождаемое силою *Духа Его*, есть само действительное орудіе”.¹⁸ Но контекст, в котором Ремизов цитирует письмо, поднимает вопрос о самой возможности переводов подобного рода текста. В последнем отделе “Странника” находим пророчество совсем другой тональности, мрачные приметы Третьей Ездры, в том числе и следующие стихи: “И с дерева будет капать кровь, камень даст голос свой, и народы поколеблются. Тогда будет царствовать тот, которого живущие на земле не ожидают, и птицы перелетят в другие места... Одна область будет спрашивать другую соседнюю: не проходила ли по тебе правда, делающая праведным? И та скажет: нет” (5. – 5-6, 11). Этим последним стихом кончается “Странник”.

Примечательно, что тот же отрывок о знамениях из пятой главы Третьей книги Ездры упоминается в корреспонденции Библейского Общества. В июне 1825 г. Максим Невзоров пишет Митрополиту Серафиму, тогдашнему президенту (фактически уже закрытого) Общества. Издатель журнала “Друг юношества” (1807-1815), известный своим интересом к масонской литературе, Невзоров защищает ряд мистических книг и публикаций против обвинений, содержащихся в недавнем указе Синода. Он начинает с того, что Пыпин называет приличными обстоятельствам времени ветхозаветными пророчествами.¹⁹ Невзоров приводит те же стихи из третьей книги Ездры на церковнославянском языке (*He*

¹⁷ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб. 1899, с. 27.

¹⁸ Ремизов А. М. Россия в письменах, с. 126.

¹⁹ Пыпин А. Н. Российское Библейское Общество, с. 276.

прейде ли ко тебѣ правда Праведнаго творящая? и сего отречется), комментируя их следующим отступлением: “Немецкие богословы, а им последуя, и наши, по каким-то ученым и никакого основания неимеющим расчетам и догадкам Книгу сию Эздры почитают подложно: но ум и сердце, озаренные свыше, во всей книге видят помазание и откровение Духа Святого, который не может быть подложен... Ныне сбываются сие пророчества”.²⁰ Оказывается, что Третья книга Ездры не является канонической: она не существует ни на еврейском, ни на греческом языках. Но Невзоров ссылается именно на нее, и установив ее богодуховность, он рассматривает несколько более современных примеров апокалиптической мистики: “Сионский вестник”, сочинения Бема и Штиллинга.

Ремизов тоже рассматривает неканонические тексты в книге “Россия в письменах”, с той разницей, что у него внимание сосредоточивается на специфике данного экземпляра, выставляемого для обозрения подобно музейному экспонату. В главе, предшествующей “Страннику” под заглавием “Гадальные карты”, описываются так называемые “Сведенборговские карты” которые Ремизов помнит с детства: “В подлиннике эти карты с картинками. Я не видал подлинника. Я знаю только список: на лицевой стороне обыкновенных игральных карт рукой матери написан был толк картам необыкновенным. Дознаться, откуда она их списала, мне так и не удалось”.²¹ Так или иначе Ремизов подчеркивает предметность текстов, и бережет их тайны. В “Страннике” мы видим старика, который складывает перевод письма баронессы и уходит, но никогда не узнаем, откуда он достал его. Такова тактичность “России в письменах”.

²⁰ Там же, с. 281-282.

²¹ Ремизов А. М. Россия в письменах, с. 111-112.

Викторс Эглитис. Фото. Рига 1914.